

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.79>

Коневец Светлана Николаевна

ОБ ОСОБОМ РОДСТВЕ ГЕРМАННА И СТАРОЙ ГРАФИНИ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА "ПИКОВАЯ ДАМА"

В статье представлено другого вида, несколько отличное от традиционного толкование фрагмента повести А. С. Пушкина "Пиковая дама", связанного с поведением главного героя и темой слухов. Обосновывается идея о том, что Пушкину важно было указать на духовную общность старой графини и Германна, наследующего от неё "родственные" страсти и моральные ориентиры. Установлено, что в текстах Пушкина есть указания на нравственную неприемлемость действий и мыслей о том, что человек может быть средством достижения целей другого человека. Автор приходит к выводу, что в исследуемом фрагменте доминирует идея "духовного родства" подобных людей, а тема молвы присутствует лишь на поверхности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/79.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 378-382. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. П. Победа аграриев в Германии (Школьные досуги. 1902. № 3. С. 21-22) // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
 15. П. Путешествие на воздушном шаре (Школьные досуги. 1903. № 7. С. 81-82) // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
 16. П. Смерть Вирхова (Школьные досуги. 1902. № 1. С. 19-20) // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.

**POLITICAL AND SCIENTIFIC LIFE OF WESTERN COUNTRIES OF THE EARLY XX CENTURY
 IN E. A. PREOBRAZHENSKIY'S PERCEPTION AND ESTIMATIONS
 (BY THE MATERIAL OF THE HANDWRITTEN MAGAZINE "SCHOOL LEISURE")**

Kazeeva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University
kazeeva-ea@yandex.ru

The article considers E. A. Preobrazhenskiy's stories and articles published in the "What's the News?" rubric of the handwritten magazine "School Leisure" (1902-1903) and focused on political and scientific life of western countries of the early XX century. By concrete examples the paper shows how the author, tackling current foreign events, manifests the skills of the political and economic analysis. It is shown that E. A. Preobrazhenskiy, on the one hand, tried to evoke the readers' interest in western politics and science and, on the other hand, educated citizens not indifferent to the destiny of their own country and other countries.

Key words and phrases: "School Leisure" magazine; E. A. Preobrazhenskiy; story; article; the West; reception of political life in literature.

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 14.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.79>

В статье представлено другого вида, несколько отличное от традиционного толкование фрагмента повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», связанного с поведением главного героя и темой слухов. Обосновывается идея о том, что Пушкину важно было указать на духовную общность старой графини и Германна, наследующего от неё «родственные» страсти и моральные ориентиры. Установлено, что в текстах Пушкина есть указания на нравственную неприемлемость действий и мыслей о том, что человек может быть средством достижения целей другого человека. Автор приходит к выводу, что в исследуемом фрагменте доминирует идея «духовного родства» подобных людей, а тема молвы присутствует лишь на поверхности.

Ключевые слова и фразы: Пушкин; тема слухов; игра; нравственная связь поколений; безверие; Достоевский; «Бесы».

Конец Светлана Николаевна, к. филол. н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
svkonev@yandex.ru

**ОБ ОСОБОМ РОДСТВЕ ГЕРМАННА И СТАРОЙ ГРАФИНИ
 В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»**

Когда во время прощания с умершей графиней Германн пугается того, что покойница будто подмигнула ему, и падает навзничь, ближайший родственник усопшей, камергер, говорит некому англичанину, присутствующему на отпевании, что упавший так внезапно молодой человек – побочный сын графини.

Этот эпизод традиционно комментируют [1; 4; 5; 10] в связи с темой слухов, сплетен, клеветы, занимающей в творчестве Пушкина очень важное место. Как и А. С. Грибоедов, который в комедии «Горе от ума» показывает зловещую силу так называемого общественного мнения, замешанного на клевете, Пушкин в целом ряде своих произведений говорит о том, как рождаются представления толпы о самых разных людях и предметах, на чём основывается выносимый ею приговор. Так, автор берет под защиту Онегина, навлекшего на себя гнев света:

– Зачем же так неблагоприятно
 Вы отзывались о нем?
 За то ль, что мы неугомонно
 Хлопочем, судим обо всем...
 Что слишком часто разговоры
 Принять мы рады за дела,
 Что глупость ветрена и зла,
 Что важным людям важны вздоры
 И что посредственность одна
 Нам по плечу и не странна [8, с. 145]?

Во второй части стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день») Пушкин, предаваясь мыслям о минувшем, определяет светскую клевету с помощью необыкновенно яркого оксюморона: «...жужжанье клеветы, решенья глупости лукавой, и шепот зависти, и легкой суеты укор веселый и кровавый» [7, с. 417].

За внешне безобидной болтовней праздных завсегдатаев салонов обнаруживается убийственный яд. Как известно, сам Пушкин был готов стреляться с Толстым-американцем за распространение слухов о том, что поэта будто бы высекли в тайной канцелярии.

В «Пиковой даме» тема слухов, сплетен, молвы затронута не только в эпизоде с камергером и англичанином, она пронизывает все повествование. Само свидетельство о трех картах, способных выиграть подряд, принадлежит к зыбкой сфере преданий, анекдотов: «Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение» [9, с. 219]. Томский рассказывал, что некогда, получив от графа Сен-Жермена тайну, «за которую всякий из нас дорого бы дал» [Там же, с. 212], графиня с помощью трех карт отыгралась в Версале сама и позже открылась молодому моту, помогла ему, предсказав таинственные карты: «Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды в молодости своей проиграл – помнится Зоричу – около трехсот тысяч. Он был в отчаянии. Бабушка, которая всегда была строга к шалостям молодых людей, как-то сжалась над Чаплицким. Она дала ему три карты, с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему победителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, – отыгрался и остался еще в выигрыше...» [Там же, с. 213]. С другой стороны, старуха, вопрошаемая Германном, называет все это шуткой: «Графиня, казалось, поняла, чего от нее требовали; казалось, она искала слов для своего ответа.

– Это была шутка, – сказала она наконец, – клянусь вам! это была шутка!

– Этим нечего шутить, – возразил сердито Германн. – Вспомните Чаплицкого, которому помогли вы отыграться» [Там же, с. 225]. Интрига сохраняется до конца повести, читатель верит и не верит в необыкновенную способность графини: «Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться» [Там же, с. 237].

И все-таки слова камергера о том, что Германн – сын графини, связаны в тексте повести не только с темой всевластной молвы. Хотя столь близкое физическое родство между молодым офицером и восьмидесятилетней старухой невозможно, между ними, безусловно, существует родство иного рода, оно оказывается гораздо важнее кровной связи. Германн и графиня принадлежат к одному и тому же типу людей авантюрного склада. Московская Венера, кружившая головы парижской знати в конце восемнадцатого столетия и игравшая в фараон с герцогом Орлеанским, обладала внутренней природой, очень близкой к той, которой у Пушкина наделяет Германн. За внешней сдержанностью рассудительного немца, уповающего на три верные карты: «расчета, умеренности и трудолюбия», – обнаруживаются неукротимые страсти человека, готового на все ради приобретения богатства. Узнав, что старуха якобы может назначить три верные карты, Германн какой-то непостижимой силой влечется к ее дому и в уме перебирает способы, которые могут привести его к заветной цели: «Почему ж не попробовать своего счастья? Представиться ей, подбиться в ее милость, – пожалуй, сделаться ее любовником...» [Там же, с. 219]. Это чудовищное «пожалуй, сделаться ее любовником» деловито упоминается в ряду других возможностей приобретения доверенности графини.

Сама графиня в возрасте Германна была не менее смела и неразборчива в поисках средств для игры. Проигравшись при дворе королевы и отчаявшись вытребовать деньги у супруга, она прибегает к помощи знаменитого Сен-Жермена, окруженного темными и страшными слухами: «Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион» [Там же, с. 211-212]. У Пушкина таинственный старик бескорыстно помогает красавице, назвав ей три карты, но не случайно в оперном либретто (Модест Чайковский) граф назначит скандальную цену своей услуги, которую *la Vénus moscovite* вынуждена заплатить: «Графиня, ценой одного рандеву, хотите, пожалуй, я вам назову три карты». В этом оперном варианте реализуется возможность, подсказанная характером графини и той атмосферой, в которой происходили события.

К изображению эпохи накануне революции 1789 года во Франции Пушкин обращается не один раз. В незаконченном романе «Арап Петра Великого» присутствует великолепная картина, которую можно назвать пиром в преддверии чумы: «Оргии Пале-Рояля не были тайной для Парижа; пример был заразителен... алчность к деньгам соединялась с жадной наслаждений и рассеянности; имения исчезали, нравственность гнила; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей» [Там же, с. 8].

В эту эпоху уходили корни страшных потрясений, перевернувших общественную жизнь Европы, она скрывала в себе ужасы большого террора, возвышение диктатора Наполеона, хотя внешне ничто не могло сравниться с легкомысленным весельем французского двора времен молодости Вольтера. Финансовые авантюры, крайняя развращенность нравов, широко распространившееся безбожие – вот приметы той поры, когда русская графиня безумно проигрывала суммы вдали от своих саратовских и тамбовских имений и сводила с ума Ришелье.

Пушкинская героиня вела себя в соответствии с законами, вернее, с игривым беззаконием окружавшей её жизни. Супружеские обязанности, супружеская верность, хозяйственные заботы – всё это не существовало для графини. Мы знаем, что у неё был муж (оставшийся в повести безымянным) только потому, что он отказался заплатить ужасный проигрыш супруги; знаем, что у неё было четыре сына, потому что Томский упоминает о них в рассказе о таинственной способности своей бабушки отгадывать три карты. Суетные увеселения, карточная игра оказываются гораздо важнее семейных и родственных связей.

В своём следовании страстям Германн не только напоминает графиню, он идёт в этом гораздо дальше, не просто подчиняясь страсти и игре, но принося ей в жертву судьбы людей, оказавшихся рядом.

В немногих сохранившихся черновиках повести [11] говорится о том, что Германн каждое утро обменивался приветствием с дочерью своей соседки-немки, отдёргивавшей специально для этого оконную занавеску.

Эти сентиментальные знаки внимания для девушки были обещанием брачного союза, который должен был связать умеренного и чувствительного немца с достойною его избранницей. Но, узнав о трёх картах, Германн забывает о своей невесте. Из окончательного варианта повести Пушкин убирает этот эпизод. Лаконично намеченная история любви офицера и молоденькой девушки из небогатой немецкой семьи («они полюбили друг друга, как только немцы ещё умеют любить» [Там же, с. 286]) противоречит внутреннему складу героя, не любившему никогда никого. Настоящее чувство исключается из его духовного существа.

Услышав более чем занимательный для него рассказ, герой «с профилем Наполеона и душой Мефистофеля» кружит возле дома старухи и замечает в одном из окон свежее девичье лицо с чёрными глазами. Пушкин отмечает это мгновение примечательной фразой: «Эта минута решила его участь» [9, с. 220]. Понять её значение можно, вспомнив о том, какую расчетливую игру поведёт Германн по отношению к Лизе. По наполеоновски он сделает чужую жизнь чем-то вроде пешки в партии, которая должна закончиться огромным выигрышем. Его письма, призванные покорить воспитанницу графини, дышат подлинной страстью. Не любовной. «Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости» [Там же, с. 219]. Лиза для Германна – способ проникнуть к старухе, вырвать у скупой судьбы клад. Несколько раз получает пушкинский герой возможность отказаться от своей чудовищной роли: не добиваться любви девушки, которая ему не нужна, объясниться с Лизой, – но Германн неумолимо идёт к своей гибели, к безумию, к власти тьмы над собой. Участь его решена, он, по пушкинскому выражению, «окаменел». Германн проникает в спальню к графине, пытается выведать тайну и, не желая смерти старухе, убивает её из незаряженного пистолета: намерение героя оказывается равноценным смертоносному выстрелу.

Если графиню следовать страстям склоняло легкомыслие, суетность, стремление наполнить жизнь непрерывными развлечениями, то Германн стремился подчинить страсти желанию играть наверняка. Его главной целью стало – сделаться абсолютным повелителем людей и обстоятельств. Графиня шла от безумного кружения молодой поры к эгоизму и скупости последних своих дней. Она, по пушкинскому замечанию, не была злой от природы. Век своей воспитанницы графиня заедала по старческой капризности, а не потому, что была жестока. Германн же сознательно делает Лизу, её чувство, её судьбу той ступенькой, на которую можно наступить, добираясь до заветного клада. Сближение с Наполеоном становится главным в характеристике молодого офицера: «Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна: он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну» [Там же, с. 229].

В сложном соотношении графини с Германном, в сходстве между ними и видимом различии очень интересно реализуется важнейшая для Пушкина тема поколений. Наследуя, новые поколения вытесняют предшественников из мира, по-своему воплощая в своих судьбах вечные страсти. Наполеон был бесчисленными связями соединен с эпохой революции и той поры, когда молодая красавица из Москвы являлась на картонную игру у королевы в Париже, в это время зарождался под кощунственные строчки поэмы Вольтера будущий большой террор.

Германн и старая графиня в частной истории своих судеб воплощают драму поколений, вовлеченных в катаклизмы большой истории. В сравнении с неукротимыми желаниями Германна приключения графини – «добросовестный ребяческий разврат» [3, с. 114]. Человек, холодно рассчитывающий игру, в которой чужая жизнь заранее обречена, сочетающий буржуазную корысть с ненасытимой любовью к власти, гениально угадан Пушкиным как герой не только настоящего, но и будущего.

По крови совершенно чужой старой графине, по возрасту не сын, а внук, связанный с ней очень сложной, не на поверхности находящейся внутренней связью, Германн при этом чувствует себя настоящим наследником богатой аристократки. Проникнув ночью в комнату старухи, он произносит речь, наполненную искренней убежденностью в том, что ему, а не подлинным потомкам, должно достаться богатство: «Для кого вам беречь вашу тайну? Для внуков? Они богаты и без того; они же не знают и цены деньгам. Моту не помогут ваши три карты. Кто не умеет беречь отцовское наследство, тот все-таки умрет в нищете, несмотря ни на какие демонические усилия. Я не мот. Я знаю цену деньгам. Ваши три карты для меня не пропадут» [9, с. 226].

Молодой и до поры до времени никому не известный уроженец острова Корсика, начиная свое восхождение к вершинам власти, был уверен, что именно он, а не гордые аристократы, должен наследовать французский престол. Он ощущал в себе те силы, энергию, которые были давно растрчены изнеженными, развращенными представителями славных фамилий. Он, в отличие от них, знал, что делать с властью, богатством, наконец, с пушками, так и не пущенными в ход законным представителем страны в роковой момент, когда шатался трон.

Германн, как и его всемирно прославленный предшественник, не знает ничего такого, что могло бы остановить его на пути к заветной цели. Он готов переступить через чужую жизнь, взять на себя самые страшные грехи графини: «...откройте мне вашу тайну! – что вам в ней?.. Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором... Подумайте: вы стары; жить вам уже недолго, – я готов взять грех ваш на свою душу» [Там же].

Полное равнодушие Германна к «вечному блаженству», к участи своей души за гранью земного существования возникает не на пустом месте. Эпоха юности графини, сделавшая своим кумиром Вольтера, готовая, по выражению Пушкина, «на все, кроме покаяния», сказала во многих представителях новых поколений откровенным безбожием. «Человек с душою Мефистофеля» имел множество предрассудков и не имел веры.

Старая графиня, чья жизнь завершилась в холодном и суетном петербургском свете, была посетительницей всех балов, дала балы у себя, следовала людям прошедшего столетия и вовсе не думала о том, что должно

было занимать ее мысли и чувства, – о вечности, к которой она неумолимо приближалась. Характерные подробности интерьера ее комнат свидетельствуют о том, что их обительница как бы навсегда застыла в далеком прошлом. Портрет горбоносой красавицы с розой в пудренных волосах соседствует с безделушками, дамскими игрушками, «изобретенными в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом» [Там же, с. 224]. Легкомыслие, суетная жажда удовольствий навсегда остались в душе почитательницы Сен-Жермена, любительницы игры в фараон.

Когда отпевают старуху, после совершения печального обряда молодой архиерей произносит слово о покойной. По своему смыслу оно находится в резком противоречии с реальным существованием графини. Это слово о том, как должна была она жить в ожидании встречи с Богом: «В простых и трогательных выражениях представил он мирное усупение праведницы, которой долгие годы были тихим, умилительным приготовлением к христианской кончине» [Там же, с. 231]. Реальность жестоко пародирует архиерейскую речь. В качестве ангела смерти к старой графине является Германн, требующий открыть ему тайну трех карт и говорящий о «пагубе вечного блаженства» и «дьявольском договоре». «Суетные увеселения» старухи внезапно обрываются без покаяния.

Мефистофельское начало в Германне быстро берёт верх над немецкими «добродетелями» расчета, экономии, аккуратности. (Следует заметить, что сами эти свойства изображаются в русской литературе как вполне безблагодатные и чуждые русской натуре. В романе Ф. М. Достоевского «Игрок» учитель Алексей Иванович беспощадно смеётся над немецким способом накопления, в результате которого через десять поколений появится миллионер.) Не азартная игра сама по себе, столь знакомая многим русским гениям, а стремление играть наверняка, вступить ради этого в любой союз с тёмными силами, подчинить своему плану жизнь другого человека становится предметом осуждения в «Пиковой даме».

Легкомысленное неверие графини, идущее от слишком сильной привязанности к земным увеселениям, оттеняется в тексте повести «Пиковая дама» сознательным безбожием Германна. Вере, как и любви, нет места в духовном существе пушкинского героя.

Опасное наследие безверия, получаемое детьми от представителей старших поколений, становится одним из важнейших предметов изображения в литературе XIX века. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевский показывает отца и сына Верховенских, в младшем из которых безбожие принимает чудовищные формы. Если в Степане Трофимовиче легкомысленное отношение к Богу и церкви идет от лени, от желания прослыть передовым человеком и либералом, наконец, произнести каламбур, то в сыне живет атеизм совсем иного рода, носящий поистине дьявольский характер. Верховенский-старший в конце концов предпринимает отчаянную попытку разорвать привычный круг жизни и во время своего последнего странствования устремляется в село с говорящим названием Спасово. Умирает он по-христиански, исповедавшись и причастившись: «Он исповедывался и причастился весьма охотно. Все, и Софья Матвеевна, и даже слуги, пришли поздравить его с приобщением святых таин. Все до единого сдержанно плакали, смотря на его осунувшееся и изнеможенное лицо и побелевшие, вздрагивавшие губы» [2, с. 505]. И далее: «Степан Трофимович сдержанно улыбнулся:

– Друзья мои, – проговорил он, – бог уже потому мне необходим, что это единственное существо, которое можно вечно любить...

В самом ли деле он уверовал, или величественная церемония совершенного таинства потрясла его и возбудила художественную восприимчивость его натуры, но он твердо и, говорят, с большим чувством произнес несколько слов прямо в разрез многому из его прежних убеждений.

– Мое бессмертие уже потому необходимо, что бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил его и обрадовался любви моей – возможно ли, чтоб он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль?» [Там же].

Петр Верховенский, которого автор в черновиках называет Нечаевым, становится убийцей, одним из страшных бесов, изображенных в романе. Преступлением, вполне соотносимым с физическим устранением Шатова, становится агрессивная проповедь нигилизма и безбожия, стремление по любому поводу «раскассировать Бога». И все-таки беззвинность по-своему очень симпатичного Степана Трофимовича в злодействах сына сложно и многопланово представлена в романе. Разумеется, это не прямая вина дурного воздействия отца на своего наследника (Верховенский-старший почти не знал Петра Степановича). Это мысль об «идеях, носящихся в воздухе», которые по-своему подхватываются и развиваются каждым поколением и каждым человеком, это мысль об ответственности за проживаемую жизнь, произносимые слова и вынашиваемые убеждения.

Родство между Германном и старой графиней определяется не только на уровне сходства и различия человеческих натур. Вопрос о родстве между этими героями позволяет говорить о духовной и нравственной связи поколений, о зарождении наполеоновской идеи и её бытовании на русской почве. Однако (как бы ни занимал русских писателей вопрос о том, что подхватывает человек из воздуха своей поры или предшествующих эпох, чему он учится у уходящего поколения) его выбор, его вера и неверие не могут быть «списаны» на предшественников, близких или чужих по крови. Судьба Германна, одного из первых Наполеонов в нашей литературе, так же, как и судьбы других героев, несущих в себе мысль о безграничной власти над людьми и обстоятельствами, – это следствие индивидуального жизненного выбора. Сумасшедший дом, где Германн бесконечно повторяет названия обманувших его карт, есть его последний остров, его Святая Елена.

Список источников

1. **Виноградов В. В.** Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1941. 620 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. / отв. ред. В. Г. Базанов; текст подгот. Н. Ф. Буданова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 10. Бесы. 519 с.

3. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 6-ти т. / ред. Н. Ф. Бельчиков и др.; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения. 1832-1841. 388 с.
4. **Лотман Ю. М.** «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 786-814.
5. **Муравьева О. С.** Фантастика в повести Пушкина «Пиковая дама» // Пушкин: исследования и материалы / Академия наук СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 8. С. 62-69.
6. **Полякова Е.** Реальность и фантастика «Пиковой дамы» // В мире Пушкина: сборник статей. М.: Советский писатель, 1974. С. 374-412.
7. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. Т. 3. 497 с.
8. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 5. 529 с.
9. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 6. 577 с.
10. **Скиба В. А.** Мотив слухов в русской художественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205323451&archive=1205324210> (дата обращения: 16.12.2018).
11. **Эйдельман Н.** Две тетради (Заметки пушкиниста) // Пути в неземное: писатели рассказывают о науке: сборник. М.: Советский писатель, 1986. Сб. 20. С. 284-316.

ON SPECIAL KINSHIP OF HERMANN AND THE OLD COUNTESS IN PUSHKIN'S SHORT STORY "THE QUEEN OF SPADES"

Konevets Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saratov State University
svkonev@yandex.ru

The article presents a different from the traditional interpretation of the fragment of Pushkin's short story "The Queen of Spades" related to the behaviour of the protagonist and the theme of rumours. The work substantiates the idea that it was important for Pushkin to point out the spiritual commonality of the old Countess and Hermann, who inherited "kindred" passions and moral guidelines from her. It has been ascertained that in Pushkin's texts, there are indications of the moral unacceptability of actions and thoughts that a person can be a means of achieving the goals of another person. The author comes to the conclusion that in the fragment under study, the idea of "spiritual kinship" of such people dominates, and the theme of rumours is present only on the surface.

Key words and phrases: Pushkin; theme of rumours; play; moral connection between generations; unbelief; Dostoevsky; "Demons".

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 10.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.80>

В статье рассматриваются суждения М. О. Меньшикова и В. В. Розанова о личности и творчестве Н. В. Гоголя; анализируются литературные взгляды двух ведущих публицистов России начала XX века, работавших в газете «Новое время»; выявляются сходство и различие их оценок творческого наследия писателя-классика. Установлено, что общие подходы Розанова и Меньшикова к творчеству Гоголя основаны на концепции К. Леонтьева. Розанов по-своему развивает его мысли, мистифицируя и демонизируя писателя. Меньшиков, частично следуя за Леонтьевым, видит в Гоголе драматически раздвоенную фигуру.

Ключевые слова и фразы: М. О. Меньшиков; В. В. Розанов; Н. В. Гоголь; К. Н. Леонтьев; демонизация; драма; концепция.

Крижановский Николай Игоревич, к. филол. н., доцент
Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru

Онищенко Елена Викторовна
Армавирский государственный педагогический университет
Краснодарский гуманитарно-технологический колледж
onishenko-ev@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ В. В. РОЗАНОВЫМ И М. О. МЕНЬШИКОВЫМ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить общность и различие восприятия В. В. Розановым и М. О. Меньшиковым личности и творчества Н. В. Гоголя.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфики восприятия В. В. Розановым и М. О. Меньшиковым личности и творчества Н. В. Гоголя. Цель определила следующие **задачи**: проанализировать корпус текстов названных критиков, связанный с осмыслением личности и творчества Н. В. Гоголя; определить